

ВВЕДЕНИЕ

В данной работе была проанализирована практика применения Европейским Судом по правам человека (далее – Европейский Суд) Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) в сфере уголовно-правовых, гражданско-правовых и административно-правовых отношений, а также в сфере рассмотрения дел об административных правонарушениях, используемая в постановлениях и обзорах Верховного Суда Российской Федерации за последние пять лет.

Изучение материалов судебной практики позволяет сделать вывод о том, что основными мотивами жалоб, поступающих в Европейский Суд, по-прежнему являются:

- неисполнение судебных решений национальных судов по социальным проблемам;
- неисполнение с последующей отменой в надзоре вступивших в законную силу судебных решений;
- злоупотребление арестом и заключением под стражу как мерой пресечения по шаблонным формулировкам процессуальных решений;
- условия содержания в СИЗО (переполненность, неадекватная медицинская помощь);
- неэффективность следственных действий по насильственным и должностным преступлениям.

Первый и, безусловно, самый чувствительный раздел – это постановления, касающиеся нарушений Конвенции в сфере уголовно-правовых отношений.

К сожалению, нарушения по-прежнему касаются ст. 3 Конвенции, согласно которой установлен запрет пыток, унижающего достоинство жестокого обращения и наказания.

Большое количество нарушений, допускаемых в отношении п. 3 ст. 5 Конвенции, обусловлено зачастую слабой аргументацией российских судов, устанавливающих в отношении заявителя меру процессуального принуждения в виде задержания. Норма данного пункта устанавливает право каждого задержанного или заключенного под стражу лица быть доставленным к судье или иному должностному лицу, наделенному судебной властью, а также право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда.

Вторая группа – это практика Европейского Суда в сфере гражданско-правовых отношений.

В этой группе дел лидером является ст. 6 Конвенции и вопросы неисполнения судебных решений национальных судов в разумный

срок, несправедливость судебного разбирательства по гражданскому делу и нарушение принципа гласности судопроизводства, нарушение принципа правовой определенности в результате отмены вступившего в законную силу решения суда в надзоре, нарушения в связи с непредоставлением заявителю возможности лично участвовать в судебном разбирательстве при рассмотрении гражданского дела, ненадлежащее извещение о времени и месте рассмотрения кассационной жалобы и др.

Третья группа – это практика Европейского Суда в сфере административно-правовых отношений, а также в сфере рассмотрения дел об административных правонарушениях.

В этой группе дел по-прежнему большую часть занимают нарушения при административном выдворении, а также дела в связи с ограничением права заявителей на свободу выражения мнения и свободу собраний и объединений.

При исполнении постановлений Европейского Суда необходимо руководствоваться положениями Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

С принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» были даны важные разъяснения по ряду вопросов, связанных с применением Конвенции. В соответствии с п. 3 данного Постановления правовые позиции Европейского Суда учитываются при применении законодательства Российской Федерации. Кроме того, в случаях, когда российским законодательством предусмотрен более высокий уровень защиты прав и свобод человека, чем в положениях Конвенции, в первую очередь применяются положения, содержащиеся в национальном законодательстве.

14 июля 2015 г. Конституционный Суд Российской Федерации принял Постановление № 21-П по делу о применимости решений Европейского Суда на территории России. В соответствии с указанным Постановлением в случае, когда постановление Европейского Суда, вынесенное против России, основано на таком толковании положений Конвенции, которое входит в противоречие с Конституцией Российской Федерации, такое постановление Европейского Суда не может быть исполнено в России. Следовательно, Конституционный Суд РФ признал верховенство Конституции Российской Федерации

при исполнении решений Европейского Суда. Конституционный Суд РФ отметил возможность федерального законодателя разработать специальный механизм разрешения вопроса о возможности или невозможности исполнения постановлений Европейского Суда по жалобам против России с точки зрения принципов верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации.

При подготовке настоящего издания составители-переводчики обращались к переводам постановлений Европейского Суда, размещенным в открытом доступе на сайте Министерства юстиции Российской Федерации (<http://minjust.ru>), а в необходимых случаях осуществляли перевод постановлений самостоятельно, обращаясь к базе Европейского Суда (<http://hudoc.echr.coe.int/eng>). В тех случаях, когда в работе используется перевод, размещенный на сайте Министерства юстиции РФ, используется такой значок — *.

І. ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА В СФЕРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья 3 Конвенции

В постановлении Европейского Суда от 5 июня 2014 г. по делу «Терещенко против России»* (*Tereshchenko v. Russia*) (жалоба № 33761/05) отклонены жалобы заявителя на предполагаемое нарушение ст. 8 и 34 Конвенции в связи с якобы имевшими место препятствиями в реализации его права на подачу жалобы в Европейский Суд и ст. 6 Конвенции в связи с отказом районного суда в рассмотрении ходатайства заявителя об условно-досрочном освобождении и невозможностью обжаловать указанный отказ.

Вместе с тем установлено нарушение ст. 3 и 13 Конвенции в связи с необеспечением А.Н. Терещенко надлежащих условий содержания в следственных изоляторах и отсутствием у заявителя эффективных средств правовой защиты от соответствующих нарушений, а также ст. 8 Конвенции в связи с невозможностью посещения заявителя его матерью во время содержания в следственном изоляторе.

Обстоятельства дела. Заявитель был задержан по подозрению в причинении телесных повреждений и в незаконном обороте наркотиков. Дело в отношении заявителя по обвинениям в незаконном обороте наркотиков было прекращено в связи с тем, что прокурор снял обвинения. Районный суд признал заявителя виновным в причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, и приговорил его к восьми годам лишения свободы. Через два года районный суд отклонил ходатайство заявителя о досрочном освобождении из колонии. Заявитель также жаловался на условия содержания под стражей и на ограничение посещений его родственниками.

Позиция Европейского Суда. В отношении условий содержания под стражей Суд отметил, что «временами количество заключенных в камере превышало фактическое количество кроватей в камере, так что заключенным приходилось спать по очереди. Суд считает, что это могло служить источником напряженности между заключенными и вызывать у них дополнительное нервно-психическое напряжение и чувство неудовлетворенности... следовательно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителя под стражей с 2003 по 2005 год» (п. 83–85 Постановления).

В части отсутствия у заявителя эффективного средства правовой защиты от указанного нарушения Европейский Суд подчеркнул, что

«правовая система России [не] обеспечивает эффективное средство правовой защиты, которое могло бы быть использовано для предотвращения предполагаемого нарушения или его продолжения и которое предоставляет заявителю адекватное и достаточное возмещение в связи с жалобой на несоответствующие условия содержания под стражей» (п. 89 Постановления).

В отношении отсутствия возможности для свиданий заявителя с матерью во время его нахождения в изоляторе временного содержания Суд отметил, что «внутригосударственные органы не рассмотрели надлежащим образом вопрос посещения, тем самым не приняв меры для обеспечения уважения частной жизни заявителя... не было предложено... что оспариваемая ситуация была бы соответствующим образом смягчена в случае доступности заявителю, к примеру, других способов коммуникации, таких как телефон... такие ограничения, как определение количества свиданий с семьей, надзор за такими свиданиями и, если это оправдано характером преступления, установление особого режима содержания под стражей или специальные меры по организации свиданий, представляют собой вмешательство в права, гарантированные статьей 8 Конвенции» (п. 136, 120 Постановления).

Применительно к предполагаемому нарушению ст. 6 Конвенции Европейский Суд согласился с доводами российских властей о том, что данная жалоба несовместима с положениями Конвенции, поскольку условно-досрочное освобождение является привилегией, а не правом, защищаемым Конвенцией (п. 107 Постановления).

Суд также отметил, что «формулировка статьи 79 Уголовного кодекса должна быть проанализирована с учетом разъяснений Верховного Суда, данных в 2009 году, в соответствии с которыми предоставление мер в отношении замены или прекращения меры пресечения в виде заключения под стражу не должно быть автоматическим и должно быть отдано на усмотрение судьи, рассматривающего соответствующее дело» (п. 107 Постановления).

(Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 июня 2015 г.).

В постановлении от 27 февраля 2014 г. по делу «Коровины против России» (*Korovina v. Russia*) (жалоба № 31974/11) Европейским Судом установлено нарушение российскими властями положений ст. 3 Конвенции в связи с необеспечением надлежащих условий содержания И.В. Коровина (далее – первый заявитель) в психиатрической больнице и жестоким обращением с заявителем, ст. 8 Конвенции в связи с цензурой администрацией больницы переписки И.В. Коровина

с Т.Ю. Коровиной (далее – второй заявитель), а также п. 1 ст. 6 Конвенции в связи с отказом районным судом в удовлетворении исковых требований заявителей к психиатрической больнице о компенсации морального вреда ввиду названных нарушений без надлежащего исследования и оценки доказательств.

Обстоятельства дела. 9 июня 2009 г. первый заявитель был задержан в связи с преступлением, связанным с наркотиками, и 10 июня 2009 г. был заключен под стражу. Судебная психиатрическая экспертиза установила, что первый заявитель страдал шизофренией, требующей обязательного психиатрического лечения. Районные суды продлевали содержание заявителя под стражей вплоть до 15 декабря 2009 г., когда районный суд освободил первого заявителя от уголовной ответственности, признав его невменяемым в силу психического расстройства, и принял решение о его помещении в психиатрический стационар общего типа.

19 января 2010 г. первый заявитель был помещен в Республиканскую клиническую психиатрическую больницу. После попытки побега он был помещен в палату, которая не соответствовала санитарным требованиям.

4 июня 2010 г. районный суд в отсутствие законного опекуна заявителя Т.Ю. Коровиной и его адвоката удовлетворил запрос Республиканской клинической психиатрической больницы о перемещении И.В. Коровина в психиатрическую больницу специализированного типа.

16 июня 2010 г. первый заявитель был помещен в Казанскую психиатрическую больницу специализированного типа, в которой 30 июля 2010 г. в связи с ненадлежащим поведением он был изолирован и привязан к кровати на 24 часа.

30 июля 2010 г. Верховный Суд Республики Татарстан отменил решение от 4 июня 2010 г. в кассационном порядке, так как слушание дела проходило в отсутствие первого заявителя.

13 декабря 2010 г. первый заявитель был перемещен в Республиканскую клиническую психиатрическую больницу.

9 июля 2011 г. И.В. Коровин был снова переведен в Казанскую психиатрическую больницу специализированного типа.

Верховный Суд Республики Татарстан неоднократно отменял в кассационном порядке решения районного суда о продлении применения принудительных мер медицинского характера к заявителю и его помещении в психиатрическую больницу под интенсивное наблюдение. Также Верховный Суд Республики Татарстан отказал в удовлетворении требований заявителей о компенсации морального вреда в связи с чрезмерно длительным содержанием И.В. Коровина в психиатрической

больнице специализированного типа, а также жестоким обращением с ним.

Позиция Европейского Суда. Власти России признали, что размеры палат, в которых первый заявитель проходил стационарное лечение, не соответствовали законным нормам, что количество спальных мест в каждой палате значительно превышало государственную норму, а также что привязывание первого заявителя к его кровати на 24 часа как психиатрическая мера являлась чрезмерной и не соответствовала его поведению (п. 54, 55 и 65 Постановления). Европейский Суд пришел к выводу, что имело место нарушение ст. 3 Конвенции (п. 68 Постановления).

Кроме того, власти признали нарушения национальных судов при рассмотрении жалобы заявителей в отношении условий содержания И.В. Коровина в психиатрическом стационаре и на цензуру их корреспонденции со стороны администрации больницы (п. 71 Постановления). Европейский Суд также установил нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции (п. 73 Постановления).

Европейский Суд также признал нарушение ст. 8 Конвенции в связи с тем, что российские власти подтвердили факт цензуры со стороны психиатрической больницы переписки заявителей.

(Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2015), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 марта 2015 г.).

В постановлении от 6 марта 2014 г. по делу «Горбуля против России» (*Gorbulya v. Russia*) (жалоба № 31535/09) Европейский Суд отказал в удовлетворении жалобы заявителя на предполагаемое нарушение ст. 3 Конвенции в связи с якобы имевшим место непредоставлением В.В. Горбуле медицинской помощи во время содержания его в следственном изоляторе и в исправительном учреждении.

Вместе с тем установлено нарушение ст. 3 Конвенции в связи с необеспечением заявителю надлежащих условий содержания в названных учреждениях, а также ст. 13 Конвенции ввиду отсутствия у В.В. Горбули возможности правовой защиты от соответствующих нарушений.

Обстоятельства дела. В 2006 г. заявитель был признан виновным в причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшему по неосторожности смерть потерпевшего, и приговорен к 10 годам лишения свободы. В 2008 г. на основании решения суда присяжных он был признан виновным в нескольких разбойных нападениях и убийстве и приговорен к пожизненному заключению.

Позиция Европейского Суда. Европейский Суд отметил, что для наибольшей эффективности превентивные и компенсаторные сред-

ства правовой защиты должны быть взаимодополняющими (п. 54 Постановления).

Европейский Суд установил важность проверки надзирающим прокурором в обеспечении соответствующих условий содержания под стражей. Однако представления или постановления прокурора регулируют отношения между надзирающим органом и органом, подпадающим под надзор, и не предназначены для принятия превентивных мер или возмещения ущерба (п. 55 Постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что гражданский иск о компенсации в соответствии с положениями Гражданского кодекса РФ не направлен на получение иного возмещения, кроме компенсации, и не способен положить конец ситуации длящегося нарушения, такого как отсутствие личного пространства, или отсутствие определенного размещения в соответствующем исправительном учреждении, или ненадлежащая медицинская помощь. Данное средство правовой защиты не гарантирует перспектив успеха, поскольку решение зависит от установления вины властей, что имеет низкую степень вероятности в ситуации, когда внутригосударственные правовые нормы предусматривают применение определенной меры, к примеру, определенных условий содержания под стражей или одиночного заключения (п. 56 Постановления).

По мнению Европейского Суда, в делах, в которых российские суды удовлетворили требования о взыскании компенсации за условия содержания под стражей, уровень компенсации был необоснованно занижен в сравнении с компенсациями, присужденными Судом в аналогичных делах (п. 56 Постановления).

Таким образом, Европейский Суд пришел к выводу, что в данном деле властями не предложено эффективных средств правовой защиты, которые могли предотвратить предполагаемые нарушения с предоставлением заявителю надлежащего и достаточного возмещения (п. 57 Постановления).

(Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2014), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 декабря 2014 г.)

В постановлении от 18 июля 2013 г. по делу «Насакин против России» (*Nasakin v. Russia*) (жалоба № 22735/05) Европейский Суд установил нарушения ст. 3 Конвенции в связи с жестоким обращением с заявителем во время содержания в отделении милиции и непроведением властями эффективного расследования по данному факту, п. 1 ст. 5 Конвенции в связи с содержанием заявителя под стражей в определенный период, а также п. 1 ст. 6 Конвенции ввиду того, что обвинительный приговор

в отношении Насакина основан на признательных показаниях, данных им под принуждением.

Позиция Европейского Суда. 19 июля 2007 г. президиум краевого суда отменил приговор в отношении заявителя и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, однако при этом не был рассмотрен вопрос о содержании заявителя под стражей или об освобождении его до суда, в результате чего нахождение заявителя под стражей в отсутствие какого-либо постановления о заключении под стражу до 6 ноября 2007 г. было незаконным.

Суд также признал нарушение п. 1 ст. 5 Конвенции в связи с содержанием заявителя под стражей на основании постановлений судов от 6 и 14 ноября 2007 г., отметив, что суд не указал ни причину, ни срок такого содержания.

В отношении нарушения п. 1 ст. 6 Конвенции Суд отметил, что использование признательных показаний, полученных в результате пыток, в качестве доказательств при установлении соответствующих фактов в уголовном судопроизводстве делает разбирательство в целом несправедливым вне зависимости от доказательственной ценности показаний и независимо от того, имело ли их использование решающее значение при вынесении обвинительного приговора.

В данном деле Суд пришел к выводу, что заявитель был подвергнут жестокому обращению во время допроса, в результате чего он дал признательные показания о своей причастности к совершению преступления.

Суд первой инстанции не признал показания неприемлемыми и ссылаясь на них при признании заявителя виновным и при назначении ему наказания.

Европейский Суд пришел к выводу, что вне зависимости от того, какую роль сыграли показания заявителя, полученные под давлением, в исходе разбирательства по уголовному делу в его отношении, такие доказательства сделали разбирательство в целом несправедливым и, следовательно, имело место нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции.

В постановлении от 30 мая 2013 г. по делу «Давитидзе против России» (*Davitidze v. Russia*) (жалоба № 8810/05) Европейский Суд констатировал нарушение ст. 3 Конвенции – в связи с чрезмерным применением силы в отношении заявителя в ходе его задержания сотрудниками ОВД и необеспечением проведения эффективного расследования данного факта, при этом доводы Давитидзе о том, что его спровоцировали на совершение преступления, признаны Судом необоснованными.

Обстоятельства дела. Заявитель признан судом виновным в покушении на сбыт наркотических средств.

Позиция Европейского Суда в отношении довода заявителя о совершении им преступления в результате провокации со стороны сотрудников полиции. В случае, если основное доказательство получено в результате проведения тайной операции, у властей должны быть достаточные доказательства, что имеются веские основания для организации тайной операции и ее нацеливания на конкретное лицо, свидетельствующие о том, что заявителем были предприняты первые шаги к совершению деяний, являющихся преступлением, за которое он был впоследствии привлечен к ответственности.

В ходе судебного разбирательства Т. свидетельствовал о том, что заявитель имел при себе наркотики для продажи. При этом отсутствуют доказательства того, что заявитель был подвергнут какому-либо давлению для того, чтобы заставить его совершить преступление.

Европейский Суд также отметил, что проведение проверочной закупки было санкционировано в результате добровольного предоставления информации частным источником — С., который сообщил об осуществлении преступной деятельности лицом, которым (с учетом его имени и национальности) мог быть заявитель и впоследствии сыграл роль покупателя при проведении проверочной закупки. Довод заявителя о том, что С. работал в полиции осведомителем и что до этого он принимал участие в других проверочных закупках, был отклонен внутригосударственными судами, поскольку из представленных доказательств не следует, что С. принимал участие в не связанных друг с другом проверочных закупках, проводившихся сотрудниками полиции, и осуществлял долгосрочное сотрудничество со следственными органами.

Европейский Суд пришел к выводу, что доказательства факта провокации со стороны сотрудников полиции отсутствуют.

(Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 4 квартал 2013 года, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 июня 2014 г.)

В постановлении от 5 февраля 2013 г. по делу «Бубнов против России»* (*Bubnov v. Russia*) (жалоба № 76317/11) Европейский Суд установил, что отсутствует нарушение ст. 3 Конвенции в связи с качеством медицинской помощи, предоставленной заявителю в местах лишения свободы, а также отклонил жалобу о нарушении конвенционных прав заявителя в связи с отказом в его досрочном освобождении по состоянию здоровья.

Обстоятельства дела. В марте 2006 г. Центр по борьбе со СПИДом диагностировал у заявителя ВИЧ-инфекцию, хронический вирусный гепатит С, наркотическую зависимость от опиатов.

28 ноября 2006 г. районный суд признал заявителя виновным в убийстве, покушении на убийство и приговорил его к 13 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Заявитель периодически проходил медицинский курс лечения от имеющихся у него заболеваний.

24 июня 2011 г. группа медицинских экспертов тюремной больницы подготовила заключение, в котором рекомендовала освободить заявителя от отбывания наказания по состоянию здоровья, в связи с чем начальник исправительной колонии обратился в районный суд с соответствующим ходатайством.

Районный суд отказал в удовлетворении ходатайства, отметив следующее: «...заявитель совершил особо тяжкое уголовное преступление, отбыл менее половины срока наказания. О заявителе негативно отзываются сотрудники колонии, он нарушал тюремные правила несколько раз, получив тридцать четыре взыскания, которые еще не погашены. 15 июля 2009 года он был признан «злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания», состоит на учете как лицо, склонное к провокационному поведению.

...особенности его поведения в настоящее время не исключают возможности совершения им иных уголовно наказуемых деяний...

...заявитель проходит стационарное лечение в больнице исправительной колонии № 8.

...в случае освобождения заявитель не сможет получать необходимую помощь. Кроме того, возможность быть принятым в инфекционную больницу зависит от наличия мест, в тюремной больнице заявитель может получать лечение, аналогичное тому, которое он мог бы получить в инфекционной больнице».

Позиция Европейского Суда в отношении жалобы заявителя на ненадлежащую медицинскую помощь в местах лишения свободы: «...национальные власти предоставляли заявителю всеобъемлющую, эффективную и прозрачную медицинскую помощь на протяжении всего периода его содержания под стражей. Соответственно, нарушение статьи 3 Конвенции не имело места».

Позиция Европейского Суда в отношении отказа национальных судов в освобождении заявителя от отбывания наказания по состоянию здоровья. «Статья 3 не дает задержанному право быть освобожденным «по уважительным причинам», особенно в случае, когда власти принимают надлежащие меры по обеспечению, в том числе путем предоставления необходимой медицинской помощи, его здоровья и благополучия.